

Сегодня префикс **анти-** вовлекается в сферу окказионального словообразования, прежде всего за счет использования производящих слов с несвойственной для этой словообразовательной модели стилистической окраской (*антижлоб* (жлоб – прост., презр.), *антипиратский* (пират – перен. разг.), *антигейский* (гей – разг. или жарг.)) и грамматическими признаками (*антиволочкова*, *анти-Обама* – в качестве производящих слов выступают антропонимы).

Префикс **анти-** семантизируется и становится самостоятельным компонентом аббревиатуры: **АТО** – антитеррористическая операция: *Накануне в Киеве прошел митинг с требованием введения на Донбассе военного положения и возобновления АТО*; **АЖО**: *Если это верно, то от киевских властей следует ожидать целой антижурналистской операции (АЖО), чтобы навсегда отвадить российских (и не только российских) журналистов от мест боевых действий и дальше уже орудовать без свидетелей.*

Использование в качестве анафоры префикса **анти-**, генетически не имеющего эмоционально-экспрессивной окраски, становится ярким стилистическим средством, показывающим абсурдность происходящего: *Люди живут в антимире, в антидоме на антиулице, иза антистолом у них сидит антисемит с нашивкой «Правого сектора».*

Дериваты с **анти-** вовлекаются в сферу вторичной номинации и используются в качестве имен собственных: *Отметим, что ранее центр прогнозов МЧС «Антистихия» заявил, что в Москве велика вероятность повторения ситуации 2010 года, когда столица была окружена плотным смогом из-за тления торфяников; Сам он позиционирует эту картину как «Антитёлки», а читавшие сценарий утверждают, что он уморительно смешной.*

Таким образом, исследование распространения префикса **анти-** в современном русском языке подтверждает его востребованность. Присоединяясь к уже известному в языке слову, он легко справляется с задачей фиксации новых реалий и выражения личного отношения к обозначаемому.

Как отмечалось нами ранее, современный мир сложен, противоречия и конфликты между отдельными людьми, социальными сообществами и странами обостряются, и в языках возникает необходимость для номинации многочисленных направлений многомыслия и антагонизма. Оптимальным средством обозначений, отражающих дисгармонию общества, противостояние человека и природы, реалий мира, раздираемого агрессией и войнами, стал греческий префикс **анти-** (Никишина, Лукас 2016: 94).

ЛИТЕРАТУРА

Ефремова Т.Ф. 2005. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 слово-обр. единиц. 2-е изд., испр. Москва: Астрель.

Никишина С.А., Лукас В.А. 2016. Элементы с лексемой анти- в современном русском языке // Коричко А.В. (отв. ред.) / Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартского государственного университета: Статьи докладов. Нижневартск: НВГУ, 91-94.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru/ (2016. 15 дек.)

УДК 821.161.1

А.В. Себелева¹, Е.Н. Рымарева²

МИФОЛОГЕМА БОГИНИ-МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОБСКИХ УГРОВ

Аннотация. В статье рассматривается взаимообусловленность терминов «мифологема» и «архетип», объясняется сущность их восприятия сознанием различных этносов, аргументируется постулат, утверждающий, что мифологические представления о мире схожи у многих народов нашей планеты, и одинаковые или весьма похожие образы встречаются в мифологиях разных культур. Мифологемы, являясь составным элементом мифотворчества, являются базовой моделью для создания на их основе новых мифов, они не только вбирают в себя опыт прошлого, но и актуализируют реальность. При этом мифологемы объединяют в одном пространстве архаическое мышление и индивидуально-авторское мифотворчество. Мифологемы составляют сущностную основу текста, это воплощение динамики первичного материала, обладающего уникальным свойством трансформации. Сознательно заимствованные мифологические мотивы, трансформированные в художественную культуру, составляют понятие литературного термина «мифологема».

Во всех мифологиях мира можно наблюдать поклонение Богине-Матери, главному женскому божеству. Авторы обосновывают положения о том, что мифологема Богини-Матери характерна различным культурным традициям и не имеет национальной и временной принадлежности, что связано с восприятием женщины, как

производящей жизнь. Одинаковость сюжетов, связанных с образом Богини-Матери и зафиксированных в мифологиях различных этносов, доказывает устойчивость мифологемы в истории развития мировой культуры. Эта мифологема, воплощенная в творчестве разных народов, является одним из самых повторяющихся конструкторов. В мифологии ханты и манси мифологема Богини-Матери воплощена в образе жены бога Нуми-Торума, женщины-матери, культ которой является одним из самых древнейших на земле.

Ключевые слова: мифология обских угров; архетип; мифологема Богини – Матери; культурная традиция; миф.

Сведения об авторах: Себелева Анастасия Валериевна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета; Рымарева Елена Николаевна², аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: ¹628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: sebelevaa@mail.ru¹; e-mail: RimarevaEN@vartanet.ru².

A.V. Sebeleva¹, E. N. Rimareva²

GOD-MOTHER MITHOLOGEM IN THE ART OF OB UGRIC PEOPLE

Abstract. The paper explores interconditionality of the terms mythologeme and archetype. Explaining the essential ways of their perception by different ethnoses, the article maintains that similar mythological world views are common to different peoples thus bearing and manifesting identical characters and images. Together, these images and characters make a certain part of human soul and appear as basic concepts – archetypes. Mythologemes, a component part of mythogenesis, with their ability to absorb past experiences and foreground reality are a basic pattern to create new myths. Mythologemes amalgamate archaic thinking with the author's individual mythopoetics. Mythologemes are an essential foundation of the text, they epitomize the dynamics of the archetypal source matter with its unique ability to transform. Mythological elements consciously borrowed and translated into artistic culture make the cornerstone of a mythologeme as a literary term.

All mythological world views manifest worship of God-Mother, the main female deity. The paper argues that God-Mother mythologeme is a part and characteristic of various cultural traditions. It neither affiliates a certain culture nor belongs to a particular period of time. The paper links it to the perception of a woman as a cradle of life. The similarity of plots employing God-Mother witnessed in many mythologies, demonstrate the foundation strength of this mythologeme in the world culture history. This mythologeme epitomized in many ethoses is one of the most recurrent constructions.

In Khanty-Mansi mythology this mythologeme is embodied in the female deity, Numi-Torum's wife, Mother-deity whose cult is one of the most ancient in the world.

Key words: the mythology of the Ob Ugrians; archetype; the myth of the Mother Goddess; cultural tradition; myth.

About the authors: Sebeleva Anastasia Valerievna¹, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University; Rymareva Elena Nikolaevna², post-graduate student of the Department of Philology and Mass Communications of Nizhnevartovsk State University.

Базируясь на архетипах, мифологемы в контексте литературы как вида искусства составляют сущностную основу текста. Это развернутые и логически структурированные образы архетипов, продукт воображения и интеллектуальной интуиции, выражающий неразрывность образа и формы. Они воспринимаются сознанием человека в контексте со всем существующим и задают векторную линию повествования.

Мифологемы, являясь составным элементом мифотворчества, который используется для построения образов и сюжетов, становятся базовой моделью для создания на их основе новых литературных мифов, они не только вбирают в себя опыт прошлого, но и актуализируют реальность. При этом мифологемы объединяют в одном пространстве архаическое мышление и индивидуально-авторское мифотворчество.

Мифологемы по сути своей – модификации, видоизменения одной и той же сущности. Этой сущностью является архетип – некое инвариантное ядро, основа мифологических сюжетов и мотивов. В.Н. Топоров считает, что мифологема имеет свои этноспецифические особенности, а архетип не обладает ими. «Для каждого этноса характерен свой набор мифологем. Мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована» (Иванов, Топоров 1975: 61).

Природа «мифологемы» амбивалентна. Это и мифологический материал, и почва для его образования. Искусство мифологии в известной степени определяется именно своеобразием материала, основная масса которого сохраняется традицией с незапамятных времен. Мифология – это воплоще-

ние динамики этого первичного материала, обладающего уникальным свойством трансформации. Сознательно заимствованные мифологические мотивы, трансформированные в современную художественную культуру, составляют понятие литературного термина «мифологема».

Мифологические представления о мире схожи у многих народов нашей планеты, и одинаковые или весьма похожие образы встречаются в мифологиях разных культур, порой не связанных ни исторически, ни географически. Все эти образы составляют некую единую сферу общечеловеческой души и являют собой базовые понятия.

Во всех мифологиях мира можно наблюдать поклонение Богине-Матери, главному женскому божеству. Эта традиция восходит к древнейшим временам эпохи Палеолита. Связано это с восприятием женщины, как производящей жизнь. Эта мифологема, воплощенная в творчестве разных народов, является одной из самых устойчивых и повторяющихся конструктов. Человеческая цивилизация начиналась с преклонения женскому началу, культ почитания женщин запечатлен во многих древних верованиях. Это и христианская Дева Мария, и греческая Афродита, и славянская богиня Макошь, и Исида Древнего Египта. В мифологии ханты и манси эта мифологема воплощена в образе жены бога Нуми-Торума (Торума), женщины – матери, культ которой является одним из самых древнейших на земле.

По отношению к ней применимо множество эпитетов: мать земли, мать нижнего неба, общая мать, бабушка земли, пробуждающая и рождающая. В мансийском фольклоре она наделена эпитетами «золотая», «светящаяся», «сближающаяся с утренней зарей» (Трубецкой 1906: 50-65). Эти эпитеты напрямую свидетельствуют о связи Богини-матери с сакральным миром, потому как аналогичными эпитетами наделен и Нуми-Торум, белый бог золотого дома. «У отца Нуми-Торума есть прекрасное золототравное место, есть золототравное святое место» (Karjalainen 1907: 102).

Главная миссия Калтащ-эквы заключается в том, чтобы оберегать рожениц и детей, следить, чтобы они не совершали плохих поступков, были здоровы, помимо этого она заботится о несчастных и бедных. Именно она, согласно этиологическим мифам остяков, вдохнула душу в деревянные фигурки людей, вырубленные старшим сыном Торума, натолкнула на мысль укрепить землю горным поясом самого Торума.

Калтащ-эква была женой Торума и родила ему на небе шестерых сыновей и дочь. Но впоследствии она была изгнана мужем на землю. А вот история ее изгнания трактуется по-разному, что, скорее всего, связано с рождением этих версий в разных фратиях. Мифическим предком Пор являлся медведь Ялп-ус-ойка, по мнению В.Н. Черенцова соотносимый с Нуми-Торумом, а основательницей рода Мось являлась Калтащ-эква. По одной из версий жену Торум изгнал за то, что она изменила ему с его родным братом Куль-Отыром, хранителем нижнего мира. Но существует и другая версия, принадлежащая мансийскому народу. Тихон Иванович Номин, старый манси, рассказывал, что виной тому был сам Торум, не сумевший понять, кто есть кто. Он по совету матери взял в жены Этпос-ай, дочь Луны, но злая колдунья Кирт-нёлп-эква перевоплотила свою среднюю дочь в Калтащ-эква, и та стала подобна жене Торума. Попросила ненастоящая жена вместо золотого дома построить дом из костей птиц и рыб, но помешала реализации этого плана мудрая сова, прилетевшая к Торуму. Не разобравшись, кто настоящая жена, а кто перевоплощенная, Торум скинул за косы через отверстие в небе на землю настоящую жену. Напоследок сказала ему Этпос-ай: «Что, муженек, делаешь? У нас ведь дочь будет, и сын будет... А кем я на земле буду – от сына потом узнаешь» (Гемуев 2000: 4). Правда, это сказание не соответствует общераспространённому мифу о том, что семь из восьми детей Торума были рождены на небе, и лишь один на земле.

Что касается первой версии, найти параллели этому сюжету в других мифологиях не составляет особого труда. У балтов сохранился миф о красавице Вайне, сбежавшей в день своей свадьбы от небесного бога Перкунаса к своему возлюбленному, подземному богу Велнясу. За это Громовержец Перкунас сослал ее на землю, превратил в Богиню земли Жемину. Схожий сюжет о противостоянии Перуна и Велеса имеется в славянской мифологии. Они оказываются непримиримыми соперниками в борьбе за Матерь-Землю. Похож на образ Куль-Отыра саамский Перкель из мифов индоевропейских народов. Эта одинаковость сюжетов доказывает устойчивость мифологемы Богини-Матери и архетипичность образа Калтащ-эквы.

О своей земной миссии Калтащ-эква говорит старухе Мис-не так: «На земле будут люди жить, и будут пубы (духи) их охранять. А эти дети взрослыми будут. Я пока прощаюсь. Я на земле буду, я – Калтащ-эква, людям буду помогать, женщинам помогать» (Гемуев 2000: 64). В этом мифе она первоначально предстает в образе тряпичной куклолки.

Но как же на самом деле выглядит Богиня-Мать? Одна из ипостасей – красивая молодая женщина с длинными золотыми косами, которые сравниваются длиной по горизонтали с семикратной Обью, а по вертикали с расстоянием от Луны до Земли, из кос ее расходятся дневной свет и в них же возникает лунный. В одной из мансийских песен говорится о том, что по одной косе Богини-матери поднимается соболь, а по другой спускается бобер. Эти косы напоминают о Мировом дереве и Мировой реке, которые соединяют все миры Вселенной. Соболев стремится к кроне, а бобер к воде. Место у подножия Мирового дерева, у семи берез, считалось обителью Калтащ-эквы. А в одном из мифов, очень схожим по сути с эстонскими и мордовскими мифами, она сидит на Мировом дереве в образе птицы, высиживая яйцо, из которого появилась первая женщина – прародительница.

Изображение Калтащ-эквы этнографам попадает редко. По воспоминаниям И.Н. Гемужева, собиравшего экспонаты для Музея истории и культуры народов Сибири, на чердаке заброшенного дома в Хурум-пауль – мансийском селении на р. Ляпин – ему посчастливилось найти антропоморфное изображение метровой высоты. «Это и была Калтащ-эква. Этот фетиш раньше хранился в лесу, в специальном амбарчике – ура-сумях. Однако незадолго до смерти хозяин дома, желая быть ближе к своим богам, перевез их в селение и поместил на чердаке своей избы» (Гемуев 2000: 67). В одном сундуке с ней лежала серебряная утка искуснойковки. Причина, по которой оба тотема хранились вместе, становится очевидной, если знать, что одной из ипостасей Богини-Матери является гусыня, а гусь и утка в мансийском фольклоре синонимичны, так как обе птицы водоплавающие.

В призывной песне к Калтащ говорится:

На спину животного, спину имеющего (лошадь) она опускается,

В хорошем облике золотистой гусыни опускается (Гемуев 2000: 64).

Также Богиня-мать может представать в образе зайца, об этом говорится в песне-призыве, записанной В.Н. Чернецовым:

Летний заяц, нежная женщина,

Осенний заяц, нежная женщина... (Чернецов 1939: 2)

Традиционно белый цвет – символ принадлежности к высокому миру. Калтащ-эква всегда словесно рисовалась в белых одеждах.

Манси придавали образу Богини-Матери особое значение, в ней совмещались черты предка фратии Мось (у них этот тотемный предок являлся в образах зайца или золотой гусыни), матери-земли, жизнеподательницы.

Вот как определяется ее роль в одной из песен:

В истрепанной одежде многими

ее бедняжечками

Она призываема...

В истрепанной одежде многие

ее бедняжечки

Горькими слезами плачутся,

В истрепанной обуви многие

ее бедняжечки

Горькими просьбами ее домогаются...

Если который человек с коротким веком есть,

(Долгий) век ему наказывает,

Если которая женщина с коротким веком есть,

(Долгим) веком ее одаривает.

Если без счастья в лесном (промысле) человек какой,

Счастье ему наказывает,

Если без счастья в (промысле) водяной рыбы человек какой есть,

Счастьем в (промысле) водяной рыбы одаривает... (Гемуев 2000: 68–69)

Само имя Богини-Матери переводится как «пробуждающая», «рождающая», «создающая». Таким образом, она по отношению ко всем манси является покровительницей рожениц и младенцев. Б. Мункачи писал: «...Беременная женщина... молится женщине Калтащ, чтобы ребенок родился вовремя и здоровым и не совершил какого-нибудь плохого поступка» (Munkacsí 1910: 61). Богиня-мать отвечает за ребенка и после его рождения, вплоть до наступления возраста самостоятельности, поэтому положено трижды преподносить ей жертвенные подношения: сразу после рождения, через несколько лет, когда ребенок еще считается мальцом, и перед тем, как достигнет половозрелого возраста.

та. В этом заключается ее роль жизнеподательницы. К слову, от нее зависела и судьба человека после смерти, именно она решала, в ком из потомков должен повториться, возродиться умерший. Как мать-земля она выступает, когда говорят о ее роли в сотворении мира и создании человека.

В домах ханты и манси разрешалось держать символические образы многих духов, но не Калтащ-эква. Потому что это завещано самой Богиней-Матерью. Вот что говорит она, обращаясь к своему любимому сыну: «С сегодняшнего дня люди образуются. Сестры твоей образ люди будут в домах держать, а меня – нельзя. А тебе имя Эква-пырищ – Мир-сусне-хум. Ты землю будешь обьежать, за людьми смотреть. Ты с людьми строго обходишься, чтоб они подчинялись. Раньше Богу, а теперь – тебе. И отцу скажи, чтоб он знал. Тебя (твой образ) тоже можно дома держать, как и сестру, а меня нельзя, я же общая мать. Мис-хумов (изображения) тоже можно дома держать и Мис-не. И мис-хумов еще будут в лесу ставить, им на охоте пурлахтын (бескровное жертвоприношение, пищевая жертва) будут делать» (Гемуев 2000: 65–66).

Мир-сусне-хум, младший, седьмой сын Торума, смотрящий за миром людей, был рожден Калтащ-эквой по одной из версий во время ее падения из верхнего мира в средний прямо в воздухе между небесами, по другой – на земле. Она всегда выделяла младшего сына, во время конных состязаний между всеми детьми Торума Калтащ-эква помогла ему одержать победу и таким образом обрести власть над миром людей.

Очень близка по значимости в угорской мифологии и богиня огня, Огонь-мать Най-щань, Най-эква. В ее честь ханты проводят ежегодный праздник, во время которого устраивают кровавое жертвоприношение и исполняют обряд дарения красной ткани матери огня (бросают ткань в костер). Правда, зона ответственности этой богини гораздо уже: дом, дети, очаг, то есть практически все, что связано с огнем и жилищем. У Най-щань есть специально посвященное культовое место (аращ кан), которое посещают только женщины. Культ матери-покровительницы, связывающий этих двух богинь, является очень устойчивым в мифологии ханты и манси.

Восточные ханты богиней – жизнеподательницей считали Анки-Пугос, дочь (по некоторым источникам мать) Нуми-Торума. Она в виде птичек посылает души деток во чрево будущих матерей, когда детки рождаются, она дарит им «кильт», жизненную силу. Ребенок способен видеть Пугос и даже говорить с ней, поэтому не разрешается громко разговаривать, лепечет, чтобы не спугнуть Богиню-Мать. Неверная жена может быть наказана Пугос трудными родами и даже рождением уродца. Мордовская богиня-родовспомогательница Анге-Патяй очень похожа на Анки-Пугос. «Ее описание у Мельникова-Печерского казалось некоторым исследователям неправдоподобным, сочиненным литератором XIX в., но сходство мордовской богини-родовспомогательницы и хозяйки душ с ее обско-угорской «коллегой» все же заставляет нас убедиться в точности приводимых русским писателем сведений» (Петрухин 2005: 181).

Боги и Богини не знают географических и национальных границ, потому их образы архетипичны и весьма схожи в мифологиях разных культур и народов. Русская богиня Макошь и вогульская Калтащ-эква, к примеру, также оказываются во многом схожи: обе тесно связаны с представлением о судьбе, обе связаны с водой и землей (Б.А. Рыбаков в своей работе «Язычество Древней Руси» утверждает: «Макошь («Мать урожая» Мокошь) – древняя богиня земли («Мать-сыра-земля») и плодородия») (Рыбаков 1981: 47). В.Я. Петрухин в своей работе, посвященной мифологии финно-угров, пишет о Калтащ-экке: «Она воплощала земные воды (низовья Оби)» (Петрухин 2005: 181).

Триединство образа Калтащ-эквы у обских угров является результатом исторического развития мифологемы о Богине-Матери. Архетип этого мифологического персонажа реализует древнейшее представление о значении матери в жизни человека и о роли женского начала в жизни общества. Ментальной сущности обских угров характерна отнесенность или родство с определенным божеством. Местные пантеоны и культовые традиции обладают огромным этнокультурным потенциалом, являются мифологизированными коммуникативными перекрестками. Один из таких перекрестков – прекрасная мифологема о Богине-Матери, оставленная предками нам в наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.В. Топоров В.Н. 1975. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Мелетинский Е.М. (сост.). Типологические исследования по фольклору. Сборник статей пам. В.Я. Проппа. Москва: Наука, 44–75.

Трубецкой Н.С. 1906. К вопросу о Золотой бабе // Этнографическое обозрение 1–2, 50–65;

Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra – Völker. – Porvoo, 1922. – Bd 2. – P. 179. (Перевод Н.В. Лукиной). URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st004.shtml> (2017. 01 мая).

Karjalainen K.F. Die Religion... – Bd 2, – P. 171–176; *Munkácsi B.* Die Weltgottheiten der Wogulischen Mythologie// *Keteti Szemle*, 1907, – Bd 8. – P. 102). URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st004.shtml> (2017. 01 мая).

Гемуев И.Н. Народ манси: Воплощение мифа. URL: dereksiz.org/narod-mansi-voploshenie-mifa.html ((2017. 01 мая).

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20 – 42. URL: <http://hmar.kaisa.ru/object/1808925983?lc=ru> ((2017. 01 мая).

Munkácsi B. Jstenek hösi énekel, regél es idező igé I. – Budapest, 1910. – S. 61. URL: <http://hmar.kaisa.ru/object/1808925983?lc=ru> ((2017. 01 мая).

Петрухин В.Я. 2005. Мифы финно-угров. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество Древних славян. Москва: Наука.

УДК 82.091

О.Н. Шинкевич (Катренко)

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ А. И. КУПРИНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности архетипического портрета и его функционирование в ранних повестях А. И. Куприна «Молох» и «Олеся». Актуальность данного исследования заключается в неоднозначном подходе к феномену литературного портрета, выражающемся в многообразии типологий, а также в особенности его функционирования в раннем творчестве А. И. Куприна.

Результаты исследования позволили утверждать, что в раннем творчестве А. И. Куприн обращается к мифопоэтике, реализует архетипические образы, используя художественный прием портретирования. Литературный портрет стал объектом пристального внимания исследователей начиная с XX века. При этом однозначной и фундаментальной работы, посвященной этой теме, нет.

В ходе работы выяснилось, что при создании архетипического образа автором используется такой портрет персонажа, который можно назвать «архетипическим портретом», имеющим свои особенности: статичность, неизменность психологического состояния героя, характера на протяжении всей сюжетной линии произведения, а также детализированное описание внешности, максимально схожее с мифологическим образом (внешний портрет персонажа в точности совпадает с описанием мифологического божества в Мифологической энциклопедии). Характерологические качества мифологического божества трансформируются в образе персонажа и являются конечным доказательством присутствия в тексте архетипического образа.

Ключевые слова: архетип; архетипический портрет; архетипический образ; литературный портрет.

Сведения об авторе: Шинкевич (Катренко) Ольга Николаевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: olgakatrengo99@gmail.com.

O.N. Shinkevich (Katrenko)

FEATURES OF PORTRAYING ARCHETYPAL IMAGES IN THE EARLY NOVELLAS OF A.I. KUPRIN

Abstract. This article examines the features of the archetypal portrait and its functioning in the early novels of A.I. Kuprin «Moloch» and «Olesya». The relevance of this study lies in the ambiguous approach to the phenomenon of a literary portrait, expressed in a variety of typologies, and especially its functioning in the early works of A.I. Kuprin.

The results of the research made it possible to assert that in his early work A.I. Kuprin turns to mythopoetics, implements archetypal images, using the artistic method of portraying. The literary portrait has become the object of close attention of researchers since the XXth century. At the same time, there is no unambiguous and fundamental work devoted to this topic.

In the course of the work it became clear that when creating an archetypal image, the author uses such a portrait of the character, which can be called an «archetypal portrait» that has its own characteristics: static, unchanged psychological state of the character, character throughout the storyline of the work, as well as a detailed description of the appearance, maximally similar to the mythological image (the external portrait of the character exactly coincides with the description of the mythological deity in the Mythological Encyclopedia). Characterological qualities of the